

УДК 343.24

DOI 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.359-365

ЕВГЕНИЯ АНАТОЛЬЕВНА ПЕРМИЛОВСКАЯ,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса,
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация,
e-mail: e.permilovskaya@narfu.ru

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ С ИНЫМИ МЕРАМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Для цитирования

Пермиловская, Е. А. Соотношение уголовного наказания в виде ограничения свободы с иными мерами государственного принуждения / Е. А. Пермиловская // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1–4), № 3. – С. 359–365. – DOI : 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).3.359-365.

Аннотация. В результате изменения юридического содержания уголовного наказания в виде ограничения свободы дискуссионный характер приобрел вопрос определения его правовой природы. В научных источниках неоднократно указывалось на содержательное сходство данного наказания с иными мерами государственного принуждения. В статье проводится сравнение ограничения свободы с такими мерами уголовно-правового характера, как условное осуждение и принудительные меры воспитательного воздействия, с мерой пресечения в виде домашнего ареста, административным надзором, осуществляемым в установленных законом случаях в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. По мнению автора, ограничение свободы отличается по своей правовой природе и социальному назначению от указанных мер государственного принуждения, обладает достаточным карательным и исправительным потенциалом для сохранения за ним статуса уголовного наказания. В связи с этим автор формулирует ряд предложений по совершенствованию соответствующих положений уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: уголовное наказание, наказания без изоляции от общества, ограничение свободы, условное осуждение, домашний арест, административный надзор.

В связи с изменением юридического содержания наказания в виде ограничения свободы Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в дей-

© Пермиловская Е. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ствие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» вопрос определения его правовой природы приобрел дискуссионный характер. В научных работах ранее неоднократно высказывались мнения об утрате ограничением свободы своих карательных свойств и необходимости исключения его из системы уголовных наказаний. В качестве одного из наиболее значимых аргументов приводилось содержательное сходство данного наказания с такими мерами уголовно-правового характера, как условное осуждение и принудительные меры воспитательного воздействия, с мерой пресечения в виде домашнего ареста, а также с административным надзором, осуществляемым в установленных законом случаях в отношении лиц, освобождаемых из мест лишения свободы.

На наш взгляд, ограничение свободы отличается по своей правовой природе от указанных выше мер государственного принуждения и обладает достаточным карательным и исправительным потенциалом для сохранения за ним статуса уголовного наказания.

Особенно часто в научной литературе поднималась проблема соотношения ограничения свободы с условным осуждением [1–3]. При этом отмечалось как сходство ряда правоограничений, образующих содержание данных мер уголовно-правового воздействия, форм и методов контроля, осуществляемого уголовно-исполнительными инспекциями, так и отличительные особенности, не позволяющие поставить между ними знак тождества.

На наш взгляд, по своей правовой природе ограничение свободы и условное осуждение существенно отличаются друг от друга. Ограничение свободы является видом уголовного наказания и воспринимается как кара. Все ограничения, образующие его содержание, направлены на ущемление определенных имеющихся у виновного конституционных прав и свобод с целью вызвать у него страдания и таким образом обеспечить исправление, предупредить совершение новых преступлений. Уголовно-исполнительные инспекции, осуществляя постоянный надзор за осужденными к ограничению свободы, правомочны для повышения его эффективности применять специальные технические средства. Помимо надзора, инспекции в соответствии с ч. 1 ст. 54 УИК РФ обязаны оказывать осужденным помощь в трудоустройстве, проводить с ними воспитательную работу, принимать меры по предупреждению нарушения ими установленного порядка отбывания наказания, применять законные меры поощрения и взыскания. Следует отметить и то, что злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, образует самостоятельный состав преступления, закрепленный в ч. 1 ст. 314 УК РФ. Таким образом, ограничение свободы назначается виновному в том случае, когда суд приходит к выводу о возможности его исправления только посредством применения уголовного наказания.

Условное осуждение, наоборот, применяется, как справедливо замечает С. А. Борсученко, если у суда «есть основание полагать, что цели уголовной ответственности могут быть достигнуты без реального наказания в режиме осуждения на основе контроля за поведением осужденного» [4, с. 37]. Являясь не наказанием, а мерой уголовно-правового характера, оно не обладает карательной функцией. Осужденный условно, исполняя в течение испытательного срока все возложенные на него судом обязанности, должен доказать свое раскаяние в содеянном и намерение в дальнейшем вести законопослушный образ жизни. Если соблюдение ограничений, установленных осужденному к ограничению свободы, основано на принуждении, то исполнение обязанностей условно осужденным базируется на его собственной заинтересованности в возможности избе-

жать реального отбывания уголовного наказания. В связи с этим Т. Ю. Кузьмина называет условное осуждение своеобразной «мерой поощрения» осужденного, исключаящей причинение ему «тягот и лишений» [5, с. 188]. Согласно ч. 1 ст. 74 УК РФ суд может отменить условное осуждение и снять судимость до истечения испытательного срока, если осужденный поведением доказал свое исправление и возместил вред, причиненный потерпевшему. Контроль за поведением условно осужденных, предусмотренный положениями гл. 24 УИК РФ, сводится к их периодической явке для регистрации и по вызову в уголовно-исполнительные инспекции и не предполагает осуществления по отношению к ним какой-либо воспитательной работы.

Некоторые авторы, проводя сравнительный анализ правовых норм, регламентирующих юридическое содержание и порядок применения к осужденным ограничения свободы и условного осуждения, приходят к выводу о более строгом характере последнего [2, 3]. Однако не стоит забывать, что ограничение свободы в качестве основного наказания назначается судом только применительно к лицам, виновным в совершении преступлений небольшой и средней тяжести. В отличие от него условное осуждение применяется вне зависимости от категории преступления, то есть и в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, караемые лишением свободы на срок до 8 лет (ч. 1 ст. 73 УК РФ). При этом, как показывает судебная практика, чаще всего суд постановляет считать условным именно наказание в виде лишения свободы, что свидетельствует о соответствующих характере и степени общественной опасности совершенного деяния и особенностях личности виновного. С учетом этого вполне закономерно, что объем и содержание обязанностей, установленных условно осужденному на период испытательного срока, должны быть достаточны для стимулирования его дальнейшего правопослушного поведения.

Таким образом, ограничение свободы и условное осуждение являются самостоятельными видами государственного принуждения, отличными по своей правовой природе и целевому назначению и имеющими равное право на существование в современной юридической практике. Проблему же содержательного и функционального совпадения указанных мер при их одновременном назначении позволяет разрешить законодательное упразднение ограничения свободы, применяемого в качестве дополнительного наказания.

Ряд общих черт имеет ограничение свободы и с такой принудительной мерой воспитательного воздействия, как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, совершившего преступление (п. «г» ч. 2 ст. 90 УК РФ). В соответствии с ч. 4 ст. 91 УК РФ суд, применяя данную меру, может установить запрет на посещение подростком определенных мест, использование им определенных форм досуга, пребывание вне дома после определенного времени суток, а также выезд в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Можно отметить, что перечисленные требования практически идентичны отдельным ограничениям, образующим юридическое содержание наказания в виде ограничения свободы. Определенным сходством обладают и основания применения указанных мер уголовно-правового воздействия. И ограничение свободы, и ограничение досуга несовершеннолетнего могут быть назначены при совершении подростком преступления небольшой и средней тяжести и убежденности суда в возможности его исправления без изоляции от общества.

В отличие от ограничения свободы, рассматриваемая принудительная мера воспитательного воздействия, не являясь наказанием, в большей степени ориентирована на

применение не карательного, а психолого-педагогического воздействия на подростка. Она не порождает свойственных уголовному наказанию последствий социального и правового характера. В частности, применение к несовершеннолетнему, совершившему преступление, ограничения досуга и установления особых требований к его поведению не порождает судимости. Следствием же назначения ему ограничения свободы неизбежно является судимость, погашаемая в соответствии с п. «а» ст. 95 УК РФ по истечении шести месяцев с момента отбытия наказания. В том случае, если несовершеннолетний систематически не исполняет установленную ему меру принудительного воздействия, суд вправе отменить ее по представлению специализированного органа и направить материалы дела для привлечения виновного к уголовной ответственности. При этом, как справедливо замечает Ю. Е. Пудовочкин, в уголовном законе отсутствует «запрет на освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности по правилам ст. 90 УК РФ при повторном рассмотрении его дела судом» [6]. При злостном уклонении несовершеннолетнего осужденного от отбывания ограничения свободы неотбытая его часть подлежит замене исключительно лишением свободы (учитывая, что наказание в виде принудительных работ к несовершеннолетним не применяется) из расчета 1 день лишения свободы за 2 дня ограничения свободы.

Наказание в виде ограничения свободы отличается от ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего также сроками применения указанных мер и субъектами, полномочными контролировать поведение поднадзорных лиц в период их претерпевания.

Некоторым сходством с ограничением свободы обладает и предусмотренная ст. 107 УПК РФ мера пресечения в виде домашнего ареста, применяемая судом в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Прежде всего это касается включенного в его содержание Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» запрета на выход указанного лица за пределы жилого помещения, в котором он проживает. При этом Верховный Суд РФ в своем постановлении от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» пояснил, что при установлении данного запрета необходимо указывать конкретные случаи и периоды, когда подозреваемый (или обвиняемый) может находиться вне места исполнения меры пресечения (посещение учебных занятий, ежедневная прогулка) либо, наоборот, когда он должен находиться в пределах занимаемого жилого помещения (ночное время, время проведения массовых мероприятий и др.).

Обязанность осуществлять контроль за соблюдением подозреваемым (или обвиняемым) условий примененной к нему меры пресечения в виде домашнего ареста возложена на уголовно-исполнительные инспекции, которые, как известно, исполняют наказание в виде ограничения свободы. Инспекции вправе использовать специальные аудиовизуальные, электронные и иные технические средства.

В то же время, несмотря на наличие общих черт в содержании и практическом применении ограничения свободы и домашнего ареста, правовая природа указанных мер принудительного воздействия различна. Домашний арест избирается в качестве меры пресечения в отношении обвиняемого или подозреваемого, то есть лица, еще не признанного судом виновным в совершении преступления. В связи с этим задачами домашнего ареста являются пресечение возможности у указанного лица уклониться от следствия

и суда, недопущение его негативного влияния на иных участников уголовного процесса. Ограничение свободы, в свою очередь, являясь видом уголовного наказания, применяется к лицу, осужденному за совершение преступления, в целях его исправления.

Значительным содержательным сходством с ограничением свободы обладает также административный надзор, введенный Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». В научных трудах, посвященных проблеме разграничения данных мер государственно-принуждения, ранее неоднократно подчеркивался фактически идентичный характер правоограничений и обязанностей, устанавливаемых судом в отношении осужденных к ограничению свободы и лиц, находящихся под административным надзором [7, с. 230; 8, с. 18]. Действительно, и тем и другим может быть запрещено посещать определенные места, места проведения массовых и иных мероприятий, покидать место жительства (пребывания) в определенное время суток, выезжать за пределы определенной территории. И осужденные к ограничению свободы, и поднадзорные лица обязаны являться для регистрации в орган, контролирующий их поведение, с периодичностью от 1 до 4 раз в месяц. Однако правовая природа рассматриваемых мер различна. Верховный Суд РФ в постановлении от 16 мая 2017 г. № 15 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» подчеркивает, что «административное ограничение не является наказанием... а представляет собой меру, направленную на предотвращение повторного совершения преступлений и (или) иных правонарушений лицами, имеющими судимость за определенные виды преступлений... посредством осуществления административного надзора». Не будучи уголовным наказанием, административный надзор в отличие от ограничения свободы лишен карательной составляющей, а значит, не нацелен на причинение виновному страданий посредством ущемления его в правах и свободах. Из содержания ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ следует, что задачей административного надзора является предупреждение совершения поднадзорными лицами преступлений и иных правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия. Он направлен на то, чтобы «помешать лицу продолжить противоправную деятельность, воспрепятствовать возобновлению и установлению преступных и иных антиобщественных связей, не дать возможности вновь совершать преступления» [7, с. 231]. Таким образом, надзор реализует функцию частной превенции, в то время как ограничение свободы, являясь видом уголовного наказания, – функцию как частной, так и общей превенции.

Административный надзор не обладает в полной мере и исправительным потенциалом, присущим уголовному наказанию, поскольку ведение органами внутренних дел индивидуальной профилактической работы с поднадзорным лицом нельзя отождествлять с воспитательной работой, осуществляемой уголовно-исполнительными инспекциями с осужденными к ограничению свободы.

И ограничение свободы, и административный надзор тесно связаны с уголовно-правовым институтом судимости, но характер этой связи неодинаков. Если применительно к ограничению свободы судимость является правовым последствием отбытия наказания, то в отношении административного надзора непогашенная или неснятая судимость выступает в качестве условия его установления и параметра, определяющего его срок.

Таким образом, административный надзор лишен свойств, присущих уголовному наказанию, и направлен на индивидуальную профилактику преступлений и иных правонарушений ранее судимых лиц в постпенитенциарный период.

Вместе с тем на практике последовательное применение ограничения свободы и административного надзора в соответствии с требованиями п. 4 ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ часто приводит к фактической пролонгации изначально установленных правоограничений и восприятию поднадзорным контролем за его поведением как еще одного наказания. В связи с этим П. В. Тепляшиным было высказано предложение о неприменении административного надзора к лицам, в отношении которых в качестве дополнительного наказания назначено ограничение свободы [8, с. 19]. Однако законодателем оно воспринято не было.

На наш взгляд, указанная проблема может быть разрешена посредством отказа от смешанного характера рассматриваемого наказания и уже упомянутого ранее законодательного упразднения ограничения свободы, назначаемого дополнительно. Представляется, что при установлении административного надзора суд может в более полном объеме учесть изменения в поведении осужденного и определить правоограничения, необходимые для последующей коррекции его постпенитенциарного поведения. Однако для того, чтобы надзор стал адекватной заменой ограничению свободы, применяемому в качестве дополнительного наказания, его необходимо совершенствовать. Прежде всего это касается правильного определения его правовой природы. По мнению целого ряда ученых, надзор следует относить, учитывая его содержание, основания установления и целевую направленность, не к административно-правовым, а к уголовно-правовым институтам [9, 10]. Соглашаясь с данным суждением, мы полагаем необходимым отнести административный (точнее, постпенитенциарный) надзор к мерам уголовно-правового характера и дополнить разд. VI УК РФ положениями, регламентирующими его юридическое содержание и основания установления.

Исполнение надзорных функций следует передать в ведение уголовно-исполнительных инспекций, которые будут не только контролировать поведение поднадзорных лиц, но и проводить воспитательную работу, осуществлять их социальное сопровождение (оказывать помощь в трудоустройстве и т. п.). В связи с этим необходимо внести соответствующие изменения в уголовно-исполнительное законодательство, а также увеличить штатную численность сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и объем финансирования их деятельности.

Таким образом, ограничение свободы отличается по своей правовой природе и социальному назначению от иных мер принудительного государственного воздействия и обладает всеми свойствами и функциями уголовного наказания.

Библиографический список

1. Дядькин Д. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении // Уголовное право. 2010. № 3. С. 34–37.
2. Ворогушина Н. А. Ограничение свободы и условное осуждение: вместе или порознь? // Судья. 2016. № 4. С. 34–36.
3. Звонов А. В. Соотношение условного осуждения и наказаний, альтернативных изоляции от общества // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4(38). С. 106–111.
4. Борсученко С. А. Этико-правовая природа условного осуждения // Юстиция. 2009. № 3. С. 32–37.
5. Кузьмина Т. Ю. Соотношение ограничения свободы с условным осуждением // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6(101). С. 187–191.

6. Пудовочкин Ю. Е. 12 вопросов об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовный процесс. 2017. № 8. URL : <http://e.ugpr.ru/article.aspx?m=573805> (дата обращения: 21.12.2018).

7. Астахова А. О. Уголовно-правовые последствия административного надзора и ограничения свободы // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2015. № 2(43). С. 230–232.

8. Тепляшин П. В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Законность. 2011. № 10. С. 16–19.

9. Сергеев Д. Н. Правовая природа постпенитенциарного административного надзора // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8(45). С. 1709–1715.

10. Понятовская Т. Г. Предупреждение преступлений: меры безопасности, административный надзор // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 98–103.